

МЕХАНИКА РЕВОЛЮЦИИ

Проблема революции по-прежнему будоражит умы современной России. И дело даже не в том, что у самого своего порога мы столкнулись с феноменом «цветных революций». Скорее, *наше общество интуитивно довольно остро ощущает неизбежность перемен*, назревших в стране. Вопрос в том, какой характер будут иметь эти перемены – разрушительный или созидательный; а главное, каковы будут их долгосрочные последствия – поднимут ли они вновь Россию в число мировых держав или окончательно столкнут на периферию мирового развития.

В свое время Ленин, которого мы привыкли считать главным теоретиком революционного движения в России, довольно подробно рассуждал на тему, что такое революция – наука или искусство? Его постоянный соратник и оппонент в большевистской партии, главный революционный практик октябрьского переворота Троцкий отвечал, что революция не искусство и не наука. *Революция – это машина*, продуманная, организованная система действий, позволяющая достичь желаемого результата – захвата власти с целью последующих изменений в обществе. Известно, что именно под руководством Троцкого большевики в свое время и захватили власть в стране и, главное, ее удержали.

Между тем *если революция действительно машина*, значит, этот механизм можно описать, в том числе математически. Если мы признаем, что *революция – это некий разрыв в цепи непрерывного поступательного развития общества*, то подобные процессы – остановка движения, удар, разрыв непрерывности – давно и хорошо описаны в физике и имеют математическую модель. Выглядит это так: вторая производная кривой, по которой осуществляется движение, меняет свой знак, в результате чего происходит удар, после которого осуществляется переход в другое состояние, на другой уровень. Описываемая модель, если вернуться в социальную область, заставляет нас сделать ряд выводов. Во-первых, революция – это некое переходное состояние; речь идет о промежуточной, мелькающей ситуации перехода из одного состояния общества в другое. Во-вторых, революция означает замену существующих правил игры. В-третьих, предполагается наличие качественного скачка, заметного для наблюдателей, т. е. имеющего действительно революционные масштабы.

Социальная жизнь многофакторна: разрыв непрерывности по разным переменным не всегда происходит одновременно. Как бы ни мечтали революционеры всех времен, *общество невозможно изменить сразу и целиком*. Революция в одной сфере далеко не всегда означает такие же изменения в дру-

гой. Научно-техническая революция не обязательно ведет к аналогичным изменениям в политической жизни (в этом плане показателен пример ряда стран Востока), политическая революция не всегда влечет экономический переворот, смену хозяйственного уклада (наглядный пример — «цветные революции» в странах СНГ), и наоборот, серьезные экономические перемены могут происходить при сохранении прежнего политического строя, как, например, в Швеции XVIII–XIX вв. Впрочем, политический строй и хозяйственный уклад могут измениться одновременно, но при этом ментальность людей, их повседневные практики и представления еще долго будут оставаться прежними, как это было в коммунистических странах. *Общество даже в результате самых глобальных потрясений продолжает оставаться самим собой.*

Еще один немаловажный вопрос: как локализуется революция — непосредственно в момент разрыва или через те последствия, которые происходят в результате уже случившегося разрыва? В терминологии до сих пор ясно не установлено, что считать главным в определении того или иного революционного события — яркость (а иногда и кровопролитность) самого события или глубину изменений в обществе, которые за ним последовали. Не стоит забывать, что нацисты называли свой приход к власти в 1933 г. «великой национально-социалистической революцией». Однако, как известно, Гитлер *пришел к власти вполне демократическим путем*, в результате выборов. Ликвидация демократии и установление террористической диктатуры, переход к государственному капитализму, когда владельцы заводов превратились лишь в «агентов рейха», массовый геноцид евреев и славян, самая кровопролитная в истории человечества мировая война — все эти потрясения произошли позже. Захват власти по форме не содержал в себе ничего революционного, зато последствия стали полным отрицанием существовавшего ранее порядка вещей.

По сути *октябрьский переворот в России 1917 г. сам по себе тоже не тянет на революцию*: на фоне нарастающего безвластия и безответственности тогдашней элиты одна из радикальных политических группировок, используя собственные военизированные отряды, захватила власть в столице и крупных городах. Не было никакой массовой мобилизации, никакого массового подъема — один лишь хаос. Победители долго боролись за сам факт обладания властью путем террора, интриг, временных уступок и вероломства, порой вертясь, как уж на сковородке. Глобальные перемены, которые действительно вывернули страну наизнанку, начались значительно позже — в 1929 г. Приход большевиков к власти по форме события, несомненно, был политическим переворотом, а с точки зрения долгосрочных последствий — крупнейшей социальной революцией XX в. При этом совсем недавние события показывают, как внешне мощная и красочная революция, проведенная «по всем законам жанра» — с массовыми уличными выступлениями, народными трибунами во главе воодушевленной толпы, позорным свержением прежней власти — совершенно не обязательно приводит к каким-либо значимым переменам в жизни общества. На сегодняшний день очевидно: *то,*

что произошло в Тбилиси, Киеве и Бишкеке, – не более чем элементарная смена лиц в рамках по сути одной и той же посттоталитарно-рыночной системы.

Как соотносятся политическая революция и обычный политический процесс?

Дмитрий Фурман обращает внимание на существование некоего континуума, объединяющего разные формы смены власти, где на одном (конструктивном) полюсе находятся очередные выборы президента США, с передачей власти от демократической партии к республиканской; на другом (деструктивном, разрушительном) – революция как способ решения вопроса о власти в наиболее конфликтной форме (как, например, свержение власти Чаушеску в Румынии). Однако спектр собственно революции ограничен, он в обязательном порядке предполагает ломку установленных правил игры. С этой точки зрения выборы в США – часть цивилизованного политического процесса, происходящего по ранее установленным рамкам. «Бархатная революция», если она проходит бескровно, – самая гуманная, пограничная с обычным политическим процессом форма революции. На другой, «жесткой», стороне спектра революций – кровавый переворот, сопряженный с массовыми репрессиями, что граничит с событиями, подобными тем, которые происходили в Кампучии времен Полпота. Здесь революция также перестает быть самой собой, превращаясь в геноцид собственного народа.

Если исходить из целостного взгляда на историю, то революция как кризис и процесс, на наш взгляд, не есть феномен, присущий исключительно Новому времени: *революционная форма смены власти существовала всегда. Любая власть во все времена и во всех цивилизациях неизбежно сталкивается с угрозой революции*, нарушающей устоявшиеся правила и сложившиеся порядки. В этом плане изгнание князя из Новгорода в средневековой Руси и переход к республиканской форме правления и по факту, и по последствиям было в меньшей степени революцией, нежели события более поздних времен. Сторонники теории чистых революций считают, что в истории было всего две подлинных революции – Великая французская 1789 года и в России 1917 года¹. Черты, присущие двум этим событиям, формируют признаки настоящих революций как некоего абсолютного события: насильственная смена политического строя, изменения в экономике и общественных отношениях, смена политических элит, политической и социальной инженерии, попытка распространить принципы революции на другие страны и в конечном итоге на весь мир. Все эти теоретические построения, на наш взгляд, напоминают усилия по построению кривой по двум точкам, что неизбежно приводит к некоему упрощению, если не к «спрямлению» представлений о ходе истории. Вспоминаются слова Чжоу Эньлая. На вопрос о последствиях Великой французской революции он ответил, что рано делать выводы: прошло слишком мало времени. Подлинные революции последних 200 лет,

¹ См. статью В. Куренного «Перманентная буржуазная революция» в этом номере журнала.

несомненно, имеют своих предшественников в крупнейших религиозных революциях прошлого, потрясавших основы цивилизации. Только далеко не всегда они вели к росту уровня централизации. Например, по Льву Гумилеву, Радшпутская революция V века в Индии привела к развалу империи Гупта на множество мелких княжеств, введению новой религии, к кастовому делению общества и коренному изменению способа производства, поскольку новые обстоятельства требовали изменения системы строительства и поддержания ирригационных сооружений.

Меж тем у научной социологической теории революции может обнаружиться вполне практический аспект. В частности, важен ответ на вопрос: *если существует некая машина революции, можно ли найти такую же машину, позволяющую эти революции предотвращать* или по крайней мере минимизировать их разрушительные последствия? Всем хорошо известна предложенная Марксом теория экономических циклов и неизбежности кризисов при капитализме. Когда этот вызов был осознан обществом развитых стран, то выяснилось, что *крупномасштабные кризисы в экономике можно предотвращать* как в отдельных странах, так и на уровне всей миросистемы. В результате с конца 1920-х гг. мир не знает действительно крупных экономических потрясений. Можно ли выработать аналогичные предупреждающие и сглаживающие механизмы в отношении политических кризисов и революций?

Здесь необходимо вернуться к аналогиям. В физике предполагаемый разрыв непрерывности возникнет или не возникнет в зависимости от траектории движения, от характера математической функции. После книг Даниила Градина это хорошо известно не только инженерам и математикам, но и широкой публике. *Как только мы меняем траекторию движения с параболы на гиперболу, разрыва не происходит*, не происходит удара, колыска не сходит с рельс, и — если перенести эту аналогию на социальные процессы — не происходит революции. В революции всегда участвует как минимум две стороны: новые силы, которые желают перемен, и старые господствующие классы. При этом очень важно поведение не только революционной части общества, но и позиция поборников старого порядка. Насколько господствующие классы разумны в понимании неизбежности перемен, насколько они осознают, что сопротивляться нужно умеренно: отдать часть, чтобы сохранить основное.

Накануне Великой французской революции представители третьего сословия требовали уравнивания условий налогообложения земли. Они не посягали на святость королевской власти и даже не просили уравнивания всех сословий в правах. Изначально требования были минимальными, но представители привилегированных сословий считали, что эти требования выходят за все привычные рамки. В результате большая его часть пошла на гильотину. Накануне Войны за независимость американские колонисты «всего-навсего» просили выделить им определенное количество мест в парламенте Великобритании, поскольку они платят налоги в королевскую казну, однако все закончилось «бостонским чаепитием» и Деклараци-

ей о независимости. Точно так же прибалтийские республики СССР в середине 1980-х гг. просили у Москвы регионального хозрасчета, но неготовность старого партийного руководства идти на уступки привела к быстрой радикализации требований.

Старые элиты, сталкиваясь с напором элиты новой, должны улавливать предреволюционную ситуацию и идти на уступки в базовых требованиях общества, не доводя ситуацию до неуправляемого накала социальных страстей и ожесточения масс, которое всегда умело используют революционные силы. При этом на определенном этапе практически перестают действовать ресурсы силового подавления оппозиции; наоборот, репрессии только укрепляют ее популярность и приближают неминуемую развязку. Все дело в том, что никакие меры и ухищрения не действуют, если сохраняется прежняя траектория движения. Ни одна власть не может быть абсолютной. В тот момент, когда элита осознает это, приходит понимание того, что *нужно менять траекторию*. Таков исторический урок для тех, кто желает избежать печальных последствий для существующего режима и себя лично.

Однако что значит поменять траекторию кризисного движения применительно к социальным процессам? Допустим, некая группа интересов, захватив власть в стране, очень быстро обогащается, формируя свое личное благосостояние. Если члены этой группы желают сохранить приобретенное богатство в долгосрочной перспективе, с расчетом не только на себя, но и на своих потомков, они должны понимать очевидное: *необходимо делиться с другими группами интересов, в частности, давать им доступ к процессу принятия решений; с населением, чтобы не накапливать критическую массу недовольных снизу*. В результате можно решить ряд важных проблем. Возможная потеря власти перестает быть угрозой потери собственности и личной неприкосновенности, сам процесс передачи власти становится менее болезненным, а главное — даже при передаче власти *разрыва не происходит*.

Описываемый сценарий, однако, не стоит путать с банальным подкупом отдельных лиц и возглавляемых ими формальных политических организаций. Попытка «втащить» оппозицию в систему путем подкупа ее лидеров — грубый, примитивный метод, который отражает реальную необходимость в компромиссе, но реализуется путем обмана с целью сиюминутного тактического решения проблемы. Такая *политика не носит стратегического характера* и не рассчитана на серьезную перспективу; ее можно назвать тактикой «затыкания дыр», которая не снимает растущих противоречий. На какое-то время может даже образоваться видимость социального мира, но так можно играть до определенного периода, пока, что называется, «не рванет». Для того чтобы политика смены траектории была реальной, нужно *учитывать позиции групп интересов* и уж тем более ни в коем случае их не игнорировать.

Современная наука накопила колоссальные знания в области социологии. Эти знания вполне доступны власти. На основе существующих методик

можно вовремя отслеживать реальные противоречия в обществе и соответствующим образом эти противоречия разрешать, постоянно профессионально *генерируя компромиссы*. Именно в этом должно заключаться искусство современного управления на государственном уровне. Нужно лишь понять и освоить существующий и известный социальный инструментарий. Всякая революция в силу своего импульсивного характера приводит к разрушениям сверх необходимого. Энгельс считал, что революция отбрасывает общество как минимум на два десятилетия назад. Сегодня нам всем необходимо понять, есть ли у нашей страны эти лишние десятилетия.

Александр Погорельский,
Главный редактор журнала «Прогнозис»